

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт философии

КОНЦЕПТ ЭРОТИКИ В ФИЛОСОФИИ ЖОРЖА БАТАЯ

Выпускная квалификационная работа по направлению подготовки философия

Основная образовательная программа философия

Исполнитель:

Мерцалов Егор Станиславович

Научный руководитель:

кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии
Алымова Елена Валентиновна

Рецензент:

кандидат философских наук, старший преподаватель
Караева Светлана Викторовна

Санкт-Петербург

2021

Оглавление

Введение.....	3
Предварительные замечания.....	7
Глава I. Труд против ярости.....	9
Часть I. В начале была ярость.....	9
Часть 2. И ярость живёт в человеке	11
Часть 3. И ярость требует жертвы.....	13
Глава II. Дискретность и непрерывность.....	20
Часть 1. Непрерывность	20
Часть 2. Дискретность	21
Часть 3. Поиск утраченной непрерывности	23
Глава III. Игра запрета и трансгрессии	27
Часть 1. Запрет.....	27
Часть 2. Трансгрессия.....	30
Часть 3. Трансгрессия и христианство	32
Глава IV. Непроизводительная трата и суверенность.....	36
Часть 1. Стремление и обладание	36
Часть 2. Суверенность и смерть	38
Заключение	42
Список литературы	44

Введение

Ярость насилия безголоса. Но её безголосость – не следствие немощи, а результат суверенного отказа. Ярость взрывается молча. Она взламывает ясную и упорядоченную речь презрительно-немым хохотом. Эротика, сущность которой состоит в ярости, «побуждает нас к безмолвию»¹. Как нам говорить об эротике, не становясь чересчур самонадеянными? Как нам избегать разговора о ней, не сделав нарочитой предусмотрительность? Французскому философу Жоржу Батаю (1897-1962), которого интересовала проблема эротика, удалось соединить грамотную речь и уместное безмолвие. Нам, в свою очередь, ничто не мешает говорить о концепте. И мы будем говорить о концепте эротика в философии Жоржа Батая.

Труды Батая, вырастающие под влиянием различных философских учений, подчас несовместимых (Батай может подчеркнуть «гегелевский характер»² своего рассуждения и может, например, указать, что он выступает «не комментатором Ницше, а таким же, как и он»³), богаты новыми смыслами и их оттенками. Концептуализация сакрального, непроизводительной траты, суверенности, эротика – лишь часть того, что предлагает Батай. Но работы о послевоенных теоретических трудах Батая редки⁴: одним исследователям они кажутся излишне «специальными»; других отпугивает их «несистематичность». Провоцирует это, конечно, сам Батай, который настаивает на научности своего метода и, в то же время, отступает от него, играя возможными способами понимания и неизбежно путая потенциального исследователя. Однако эта нелинейность и фрагментарность, не затвердевающая в своей исполненности, содержит возможность дальнейшего движения, преодолевающего границы. Опыт прочтения сочинений Батая, который будет здесь изложен, нацелен показать,

¹ Батай Ж. Эротика // Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология: Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. – М., 2006. С. 686

² Там же. С. 512

³ Батай Ж. Суверенность // Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология: Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. – М., 2006. С. 438

⁴ Зенкин С. Сакральная социология Жоржа Батая // Проклятая часть: Сакральная социология: Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. – М., 2006. С. 13-14

– возможно, с излишней смелостью – что концепт эротики – это ключ, открывающий «темницу» батаевской философии, исследующей ярость насилия, трансгрессию запрета и смерть, и это бьющий ключ, который связывает глубину и поверхность размышлений Батая.

Следует сразу сказать, что эротика для Батая имеет сакральный характер (это однозначно вычитывается из его сочинений), тогда как опыт половой чувственности, который может мыслиться тождественным эротике, является акцидентным свойством эротики, и, следовательно, сугубо сексуальные отношения не станут исключительной точкой притяжения нашего любопытствующего взгляда. Эротика, в понимании Батая, представляет собой нечто человеческое (мы встречаем у Батая определение человека как «эротического животного»¹), поэтому исследование эротики имплицитно содержит в себе антропологию. Но эротика в рамках концепта не представляется чем-то единственным, что присуще лишь людям. Эротика – это не первособытие, не начало человека (это место в батаевских теоретических выкладках занимает труд), поэтому мы закономерно можем говорить о её генеалогии. Тем не менее, не будучи началом-начинающим, эротика является началом-начальствующим, поскольку её существование обусловлено суверенными импульсами. Ярость, беспрепятственно пульсирующая в животном мире, запрещается в процессе трудовой деятельности, формирующей человеческую конституцию. Однако труд стремиться превратить человека в вещь. Эротика же, диалектически отрицающая отрицание, производимое трудом, и препятствующая низведению человека до состояния вещи, возвращает вытесненную ярость, и эта ярость уже включает в себя пройденный сознательным существом путь. В рамках этого концепта эротика, включающая в себя противоположности, делает человеческое существо целым, а не ограниченным, и посмотреть на неё с такой точки зрения, как представляется, было бы небезынтересно и важно.

¹ Батай Ж. Эротика. С. 702

Буквальное прочтение сочинений Батая может быть чревато недоразумениями. Батай не скупится на определения, однако смыслы сливаются: смысл ярости – с суверенностью, суверенности – с трансгрессией, трансгрессии – с эротикой, эротики – с яростью. Более того, подчас формулировки могут приобретать противоречивое содержание, но «концептам незачем быть последовательными»¹. Ещё занимательнее то, что в тексте «Эротика» Батай проблематизирует эотику («эротика – это проблема проблем... самая таинственная, самая общая, самая сторонняя проблема»²) после её концептуализации: в самом тексте эротика не поставлена как проблема, и Батай развёрнуто даёт её содержание. Всё это несколько озадачивает.

Необходимо учитывать, что Батай планировал написать цикл из трёх сочинений: «Проклятой части», «Истории эротизма» и «Суверенности». «Проклятая часть» была опубликована в 1949 году, «История эротизма» не была опубликована, и отдельные её части вошли в состав «Эротики», опубликованной в 1957 году и наполовину состоящей из разрозненных очерков, а незавершенная «Суверенность» была опубликована посмертно в 1976 году. Концепты непроизводительной траты, эротики и суверенности взаимосвязаны и не могут существовать друг без друга, поэтому нам придется в некоторых случаях фактически обращаться к черновикам Батая. Рассмотрение эротики также нуждается в сопутствующих текстах, посвященных труду и религии, поэтому нам не обойтись и без «Теории религии» и «Границ полезного», вышедших в свет посмертно, и других работ Батая. Всё это формальное перечисление подводит нас к мысли, что повторы и противоречия в наследии Батая были неизбежны. Наша задача заключается в том, чтобы пересобрать концепт эротики, взаимодействуя с различными сочинениями Батая, и показать, как он работает с другими батаевскими концептами, точнее – как он работает в них и через них. Уместно будет

¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. – М., 2009. С. 30

² Батай Ж. Эротика. С. 702

обращаться к сочинениям других философов, проводя параллели с трудами Батая.

Учение Батая, конечно, не является всеобъемлющим, оно не стремится назидательно высказываться обо всех возможных явлениях и не претендует на абсолютную истину. Напротив, философия Батая, если вспомнить Ницше, призывавшего смотреть на вещи «сотней глаз»¹, предлагает нам оптику, ещё одну перспективу, ещё одну пару глаз, которая позволит нам по-новому посмотреть на мир и поспособствует нашему самосознанию.

¹ *Ницше Ф.* Черновики и наброски 1880–1882 гг. // *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 9. – М., 2013. С. 434

Предварительные замечания

Стоит сделать ряд уточнений. Батай занимается критикой науки и, согласно Хабермасу, желает осуществить «радикальную критику разума»¹. Батай, конечно, не призывает отказаться от рационального типа мышления, но его привлекают такие движения человеческого существа, которые затруднительно обосновать разумно и, более того, которые могут сам разум поставить под вопрос. Батай интересуется непроизводительная трата, подрывающая принцип полезности и роста, суверенность, познание которой не может быть суверенным (как и всё познание, в целом), трансгрессивная ярость, изничтожающая все завоевания сознательного труда. Человек в батаевских выкладках сам для себя непрозрачен.

В Предисловии к «Эротике» Батай указывает, что его исследование не является научным, поскольку смысл эротики не может быть выражен научным языком. Батай отказывается от объективного изучения эротики, пытаясь обнаружить в ней религиозную сторону человеческой жизни и рассмотреть её с точки зрения сакрального. В противовес объективному пониманию эротики Батай предлагает «рассматривать её как движения бытия в нас самих»², которое нельзя незаинтересованно изучать извне, как вещь. Эротика появляется как преодоление запрета. Запрет, вытесняющий ярость, создаёт условия для ясного сознания и речи, без которых не могла бы появиться наука. Но наука может неясное и иррациональное встраивать в какую-либо логику, не позволяя им быть именно неясным и иррациональным.

Интерес для Батая, разумеется, представляет всё темное и вытесняемое. Однако – это может показаться оксюмороном – батаевским рассуждениям нельзя отказать в логической строгости, последовательности и выверенности. Батай аккуратно подбирает предпосылки, тщательно анализирует исходные сведения и точно выводит заключения. Он использует

¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. – М., 2008. С. 109

² Батай Ж. Эротика. С. 513

средства научного анализа для того, чтобы исследовать ненаучные предметы. Возможно усомниться в этой затее, ведь иррациональное не может встроиться в логику научного дискурса, не теряя своего права на то, чтобы быть принципиально не понимаемым. Однако отказ от попытки понять непонятное привел бы к утрате возможности осмысленно говорить об иррациональном. Фактически мы бы стали о нём умалчивать. Совершенно уместными становятся постоянные оговорки Батая, пояснения и некая неуверенность.

Философия, замыкающаяся и затвердевающая в строгости своих мыслительных операций также неудовлетворительна для Батая, однако «эротика может быть представлена только диалектически»¹, и философия должна выработать высший вопрос, ответом на который будет «высший момент эротики – её безмолвие»². Концепт – это философское понятие. Концепт эротики создаётся Батаем на пересечении проблем человека, труда, насилия и прочих. В концепте эротики есть составляющие его неравновесные бинарные оппозиции, без которых он не мог бы существовать: ярость и труд, запрет и трансгрессия, дискретность и непрерывность, профанное и сакральное. В точке столкновения перечисленных оппозиций и формируется искомый концепт, который упорядочивает возникающие в этой точке отношения. Последовательно рассматривая указанные оппозиции, мы приблизимся к пониманию батаевского концепта эротики, которое впоследствии достигнем, выявляя соотношение искомого концепта с теми философскими понятиями, которые его дополняют.

¹ Там же. С. 687

² Там же. С. 703

Глава I. Труд против ярости

Часть I. В начале была ярость

В начале была ярость. Подчёркнутая тривиальность формы здесь не случайна. У Батая есть причина для упрёка, который он адресует христианству. Но об этом позже.

В целом, начиная повествование с ярости, мы начинаем повествование с чего-то относительно простого. Но, несмотря на то, что понятие ярости является таковым, ему необходимо уделить особенное внимание, потому что оно является структурным элементом более сложных понятий сакрального, суверенности, трансгрессии и непрерывности, без которых невозможно формирование концепта эротики. Поэтому о ярости мы, так или иначе, будем говорить на протяжении всей работы, и с этой части начнется её осмысление.

Для начала необходимо составить общее представление об этом слове. «Этимологический словарь русского языка» Семёнова сообщает читателю, что слово «ярость» в качестве первоисточника может иметь индоевропейское слово «*iōgos*», переводящееся как пылкий, порывистый, стремительный. Понимать ярость как порыв – внезапное проявление силы, воли к могуществу, энергии – было бы уместно для этого повествования. Указанный словарь также сообщает, что одним из значений «ярости» в древнерусском языке был «гнев». Кроме того, именно «гнев» указан в качестве основного значения «ярости» и в Толковом словаре Ожегова. Формирование этой негативной коннотации станет понятным в следующем фрагменте текста, а пока нам лучше её подвесить.

Ярость для Батая – это неотъемлемая черта животного мира или животного состояния, которое он не готов как презреть, так и идеализировать. В «Теории религии» Батай пишет, что «животное состояние

есть состояние непосредственности или имманентности»¹, данной в ситуации пожирания, в которой проявляется количественное различие силы, но не отношение подчиненности, выявляющее различие качественное. Непосредственное животное состояние закрыто для сознания, непроницаемо, поскольку в нем отсутствует потенция к самотрансцендированию. «Всякий зверь пребывает в мире, как вода в воде»². Способ существования зверя, как течение в водоёме, не предполагает дискретности: всё происходит непрерывно, и границы неосязаемы.

Жизнь зверя есть данность, которую зверь под вопрос не ставит. Ярость свободно курсирует в животном мире, не спотыкаясь и не останавливаясь. В природном состоянии ярость проявляет себя и в сугубо сексуальных связях, имеющих целью зачатие. В «Эротике» Батай уточняет, что если сексуальная деятельность человека сводится к животному началу, то есть если она обусловлена лишь нуждой в оплодотворении, то она не является эротической. Более того, она, в данном случае, вполне не является и деятельностью, потому что она непосредственна. Следовательно, сексуальные отношения между людьми необязательно являются эротическими. Эротика – «это сексуальная деятельность сознательного существа»³. Так нам говорит Батай. Но мы добавим: это сексуальная деятельность сознательного существа, суверенным жестом *оставляющего* своё сознание. И здесь заключена проблема: эротика, выходящая за пределы сознания, перестаёт для сознания быть прозрачной.

С точки зрения Батая, ничем не сдерживаемая ярость постоянно истощается в животном состоянии. Здесь нет логики накопления. На уровне зверя процесс растраты прекращается лишь неизбежной смертью. Сознание, в свою очередь, выстраивает отношение с яростью через запрет. Однако ярость никуда не пропадает.

¹ Батай Ж. Теория религии // Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология: Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. – М., 2006. С. 55

² Батай Ж. Теория религии. С. 58

³ Батай Ж. Эротика. С. 638

Часть 2. И ярость живёт в человеке

В упомянутой «Теории религии» Батай утверждает, что в животном состоянии отсутствует полагание объекта. Оно появляется в связи с тем, что человек создает орудие. Орудие имеет смысл в перспективе цели, ради которой оно и создаётся как средство, и именно поэтому для сознания оно выступает как объект, как «разрыв в неразличимой непрерывности»¹. Мир как таковой не подчинён человеку, в отличие от орудия, зависящего и от того, кто им пользуется (орудие создает представление о полезности), и от цели, ради которой оно существует. Орудие не существует само по себе и для себя, оно не имеет ценности в отрыве от своего назначения, оно служит, зависит и подчиняется. Орудие – это вещь, ограниченная и ясно выделяемая из непрерывности. Оно позволяет изменять природу и человека. Между человеком и природой возникают отношения собственности, присвоения. Мы знаем вещь извне, не предполагая возможности её внутреннего существования и осмысляя её через те качества, которые можно полезно употребить. Прежде имманентная природа становится внешней, и она может быть присвоена человеком при том условии, что окажется для него закрытой.

Это оборачивается неприятностью, причём закономерно. Батай пишет, что «хлебопашец – не человек, а плуг того, кто ест хлеб».² Существует фразеологизм «в порядке вещей», который можно использовать для того, чтобы подчеркнуть обыкновенность, привычность, нормальность. Так вот создавая орудие, подчинённое цели, и организуя трудовую деятельность, предполагающую определенную очередность действий, – осуществляя всё это, человек сам оказывается в порядке вещей в качестве подчинённого звена, оказывается средством. Орудие подчиняется цели, настоящее – будущему, человек – логике труда. Труд низводит человека до состояния вещи в ряду других подобных вещей, если человек понимается как труженик.

¹ Батай Ж. Теория религии. С. 60

² Там же. С. 68

В «Проклятой части» Батай развивает мысль о том, что назначение орудия проявляется лишь в будущем времени. Орудие – это средство, и если бы мы могли нечто осуществить мгновенно, непосредственно здесь и сейчас, мы бы явно были избавлены от необходимости создавать и использовать орудие. Орудие служит, и человек, становящийся в пределах труда орудием, тоже служит, и потому его сущность отодвигается из настоящего в будущее. Батай приходит к заключению, что «страх смерти изначально оказывается связанным с проецированием себя в будущее время, которое, будучи следствием полагания себя как вещи, является условием сознательной индивидуализации»¹.

Вещь – это нечто самотождественное и ограниченное. Она ограничена в пространстве, её существование ограничено во времени (вещь является «образцом длительного существования»²), и, самое важное, вещь ограничена своим назначением. Вещь не является чем-то для себя. Чётко проводимые границы делают вещь индивидуальной. Своей индивидуальностью она обязана своей ограниченности. Также и человек становится дискретным, индивидуальным, выделяясь из неразличимой непрерывности животного мира, в котором безраздельно свирепствует ярость. Но как не испытывать ужас, воспринимая смерть, без оговорок и уверток расстраивающую полюбившийся человеком порядок вещей? И как можно не испытывать тревогу, замечая в самом себе беспорядочные порывы ярости? Тревогу, насыщающуюся представлением об индивидуальности, особенности?

В начале была ярость. И ярость живёт в человеке. Последнее обстоятельство, конечно, пугает. Вряд ли возможно умиротворение и чувство защищенности, без которого сложно взять и бросить силы на достижение предполагаемой, призрачной цели, если ярость способна всё перечеркнуть одним движением. Отличающий человека от непрерывного мира труд, требующий постоянства и разумного поведения, устанавливающий границы

¹ Батай Ж. Суверенность. С. 329

² Зенкин С. Сакральная социология Жоржа Батая. С. 17

и ограничивающий, потребовал ещё больших ограничений – запретов, связанных со смертью и сексуальностью.

Человеком, выходящим из природного состояния, создается мир профанный, существующий благодаря труду и накоплению ресурсов, порядку и запретам. Мир профанный – мир вещей – *реальность*. Труд формирует в человеке сознание. Хабермас считает, что Батай «истолковывает разум как труд»¹. Разум стремится к упорядоченности, устанавливает правила и ограничения – без него трудовая деятельность вряд ли была бы возможной, поэтому его возникновение и существование соотнесено с трудом. И соотнесено не только с трудом, но и с присутствием вещи, производимой в результате трудовой деятельности. Мысль, подтверждающую это предположение, легко можно обнаружить в «Эротике»: «разум связан с работой, с трудовой деятельностью, выражающей законы труда»². Труд требует определенного понимания меры, тогда как яростный порыв – эксцесс – чрезмерен и потому неразумен.

Человек – это существо отрицающее. Он отрицает животное начало в себе с помощью запретов. До тех пор, пока запреты соблюдаются, пока человек трудится и совершает полезные действия, пока он проецирует себя в будущее, – до тех пор человек находится в профанном состоянии, которое для поддержания стабильности требует исключать ярость – безудержную сексуальность и убийство. Смерть и эротика нарушают порядок, они близки к безумию, и поэтому пугают благоразумного человека. Но ярость человека не покидает.

Часть 3. И ярость требует жертвы

Ярость требует жертвы. Запрет – это дамба. Но эта дамба, созданная человеком, несовершенна. Всегда остаётся возможность её прорыва, потому что природа яростна сама по себе и человек как часть природы, следовательно, тоже яростен. Но ярость человека – это ярость существа,

¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 111

² Батай Ж. Эротика. С. 616

обладающего сознанием и отрицающего в себе природное начало. Батай полагает, что труд не может поглотить человека целиком, человек не способен подчиняться исключительно требованиям разума. Да, человек отрицает ярость, но не избавляется от неё окончательно. Если он не чрезмерно самонадеян, то он может уповать лишь на отсрочку.

Батай предполагает, что человеческая жизнь является дуальной. В ней переплетены космос и хаос, порядок и беззаконие, разум и эксцесс. Чаяние результата, забота о будущем, следование правилам – всё это необходимо труду. Бесплезность и бесцельность, упоение настоящим, трансгрессия запрета – это сигналы ярости. Два эти предельные состояния стремятся к тому, чтобы исключить свою противоположность, но истина (то, что есть), разумеется, посередине, и мы можем наблюдать причудливые сплетения обозначенных крайностей.

Здесь нам может приоткрыться эротика. Труд отрицает ярость. Эротика отрицает не труд, а отрицание ярости. Конечно, в отличие от труда эротика – это трата и праздность, и потому она противопоставлена труду. Но она подрывает не сам труд, а условие его возможности – отрицание, которое даётся в форме запрета. Отрицая отрицание, эротика стремится повернуть время вспять, но она неумолимо делает шаг вперед. Актуализация ярости в её изначальном смысле принципиально невозможна для человека, потому что она потребовала бы полного забвения и беспамятства, она потребовала бы от человека перестать быть человеком. Актуализация невозможна в такой форме, но необходима в форме диалектической трансгрессии запрета.

В «Проклятой части» Батай утверждает, что «выйдя из животного состояния, человек хоть и потерял мир, зато сам стал сознанием это утраты»¹. Сознание утраты, смешивающееся с тоской и неудовлетворенностью профанацией, недостатком и ограничением – спутниками профанного мира, – сознание утраты возбуждает желание вернуть утраченное. Желание возврата,

¹ Батай Ж. Проклятая часть. Опыт общей экономики // Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология: Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. – М., 2006. С. 191

эротическое желание запускает поиск утраченной сокровенности, который составляет сущность религиозного опыта, с точки зрения Батая. Религия ведаёт смертью и эротикой как трансгрессивной сексуальностью, образующими область сакрального, в которой усилиями запрета сдерживается ярость. Эротика, в которой Батай находит сакральный характер, становится оппозиционной профанному миру. Порядок вещей, конечно, не становится целиком подчиненным этому слегка безумному поиску сокровенности, однако уступка происходит, и ярость всё-таки находит выход из стремящегося к замкнутости и тотальности мира вещей.

Профанный мир, лишённый святости, не насыщает религиозное чувство. В «Проклятой части» Батай практически вторит Ницше, когда говорит, что «сокровенный мир противостоит реальному как чрезмерность – мере, безумие – разуму, опьянение – ясному сознанию»¹. В «Рождении трагедии из духа музыки» Ницше пишет подобное, противопоставляя аполлоническое и дионисийское начала. Однако Аполлон, возвещающий будущее и проявляющий чувство меры, в логике Батая находится на стороне порядка вещей, он не включен в область сакрального, тогда как Дионис, под чарами которого «порабощенная природа снова празднует праздник примирения со своим блудным сыном – человеком»², открывает эту область, преодолевая границы, установленные порядком вещей, то есть осуществляя трансгрессию.

В профанное время человек накапливает ресурсы, а в сакральное время их тратит. Но трату в контексте разговора о философии Батая следует понимать не как приобретение, а как истребление. Как направленное изъятие материальных ценностей из производственной цепочки или из отношений пользования – и уничтожение этих ценностей. Сакральный мир отрицает мир труда, который жаждет результата, эффективности, пользы. Но он отрицает

¹ Там же. С. 141

² *Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к Рихарду Вагнеру // *Ницше Ф.* Сочинения в 2 т. Т. 1. – М., 1990. С. 62

профанный мир как своё основание. Это утверждение требует особого внимания, так как здесь мы обнаруживаем препятствие.

В «Эротике» Батай утверждает, что сакрально то, что является предметом запрета. Соответственно, у нас может возникнуть двойственное понимание этого тезиса. Мы можем предположить, что запрет направлен на то, что сакрально, либо – нечто становится сакральным потому, что оно находится под запретом. В «Проклятой части» Батай ближе к первому прочтению, потому что он утверждает, что «жертвоприношение возвращает в мир сакрального то, что унижено, профанировано рабским использованием»¹. Запрет – это человеческий жест, и он направлен на ярость насилия, бушующую в животном мире, который в процитированном фрагменте Батай и называет миром сакральным. Однако и в «Теории религии» и в «Эротике» мы можем встретить мысль противоположную: «сакральный мир является отрицанием профанного мира»², а профанный мир, как мы поняли, создаётся человеком благодаря запретам. Фактически Батай считает, что природный мир сакрален и что природный мир не сакрален, и в рамках своего рассуждения он прав. Здесь нам нужна зацепка, которая позволит выйти из затруднения, и её тоже несложно обнаружить в батаевских сочинениях. Дело в том, что зверь пребывает в сакральном мире, но он об этом не знает, потому что от этого мира он не отказывается. Человек же посредством запрета в некотором смысле теряет сакральный мир, и утрата выявляет в нём чувство сакрального, которого лишён зверь. Чувство сакрального – это потенция, которая становится актуальной благодаря запрету. Сакральное чувство доступно тому, кто потерял сакральный мир. И оно находит выход (неединственный) в жертвоприношении.

Жертвоприношение изымает из профанного мира то, что стало в нём вещью. Акт жертвоприношения отрицает в вещи её вещественность, предназначение. То, что прежде считалось вещью, становится жертвой и

¹ Батай Ж. Проклятая часть. С. 140

² Батай Ж. Эротика. С. 573

возвращается в сокровенно-имманентный мир. Возврат может отождествляться с разрушением и смертью, но не обязательно.

Жертвоприношение противоположно производству, при котором настоящее подчиняется будущему. Можно было бы добавить, что порядок профанного мира тоже жертвует настоящим, но эта жертва подчинена логике пользы и здравому смыслу. Точку зрения последнего иллюстрирует притча о свинье, которая «должна плодиться, производя тысячи поросят... и убить которую было бы преступно»¹. Это жертвоприношение малодушно. Настоящее жертвоприношение является бесполезным и безразличным к будущему, к тысячам возможных поросят и к возможности их употребить. Оно наоборот пытается избежать этого нескончаемого служения, и потому оно приносит в жертву то, что служит.

Жертвоприношение истребляет излишек, часть богатства. Эта часть становится проклятой, поскольку она предназначена для истребления, но проклятье – это спасение, конец рабского служения в порядке вещей, покой и умиротворение. Разрушение, пренебрегающее утилитарностью, позволяет уничтожить в жертве вещь как знак её подчинённости. Жрец, осуществляющий жертвоприношение, и любой наблюдатель на мгновение находят утраченную сокровенность, выходя за пределы профанного мира, поскольку уничтожение ценностей, составляющих реальность, выталкивает из её пределов. Наблюдение смерти пробуждает переживание непрерывности.

В конечном счете, образцовый путь жертвоприношения является тупиковым. Сакральное как расточительное кипение жизни вызывает ужас, поскольку оно ставит под вопрос существование общества, одобряя разгул насилия. С одной стороны, для человека немислимо вернуться к животному состоянию, а с другой стороны, человек противится тому, чтобы превратиться в вещь. Это проблема находит разрешение в празднике,

¹ Батай Ж. Границы полезного. Отрывки из неоконченного варианта «Проклятой части» // Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология: Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. – М., 2006. С. 259

который регулирует ярость насилия и, допуская эту ярость хотя бы в ограниченном виде, ненадолго выводит человека из подчиненности. Праздник – это уступка профанного мира, контролируемое нарушение правил. Празднество «затапливает все имманентностью»¹, но исподволь попадает в цепь полезных действий, и потому оно не представляет собой настоящий возврат в имманентности и, следовательно, не удовлетворяет поиск утраченной сокровенности.

Жертвоприношение может быть и бескровным. В этом случае жертва не истребляется, а приносится в дар. Этот способ жертвоприношения хорошо работает в связке с предметами роскоши, которые при самом их изготовлении уже были лишены пользы. Дар тоже не является настоящим возвратом к имманентности, если он осмысливается как возможность приобретения власти и славы. Об этом подробнее мы поговорим в другой части работы.

Отличительной особенностью батаевского понимания жертвоприношения является то, что, согласно ему, «жертвоприношение осуществляется в отсутствие всякого божества, оно всецело имманентно, не адресовано никакому другому субъекту, его суть – в освобождении вещей и, косвенным образом, человека, отказывающегося ими пользоваться»². Следовательно, в батаевском жертвоприношении отсутствует интересубъективный обмен, поэтому оно отличается также и от обмена дарами. Оно, строго говоря, должно осуществляться в одиночестве или хотя бы чувство одиночества должно сопутствовать тому, кто его осуществляет, поскольку в противном случае оно уже не будет являться бесполезным и бесцельным.

Жертвоприношение расточает ярость насилия внутри некоторой общности, тогда как существует также и принципиально иная возможность вненаправленного насилия. Логика войны может целиком редуцировать

¹ Батай Ж. Теория религии. С. 75

² Зенкин С. Сакральная социология Жоржа Батая. С. 21

человеческое начало врага, низвести его до уровня вещи, которой он будет не добровольно и не временно, как это мог сделать «свой» труженик, а насильно и без возможности прекратить подчинение. Батай замечает в «Теории религии», что институт рабства позволил вполне состояться миру вещей. Возможность человеческого жертвоприношения, которую мы ещё не затрагивали, в случае раба-военнопленного олицетворяет собой доведенную до предела логику принесения в жертву того, что служит. Человеческое жертвоприношение, как никакое другое, опровергает нацеленность на полезность, являясь одной из наиболее ярких форм организованного насилия. Коллективно организованной формой ярости насилия является и война, представляющая собой огромную трату избыточной энергии. Война, использующая разум для службы ярости, была бы невозможна, подчеркивает Батай, если бы человек не знал запрет на убийство.

Глава II. Дискретность и непрерывность

Как уже было сказано, ярость открывает нас непрерывности. Дискретность и непрерывность являются ещё одной оппозицией, участвующей в образовании концепта эротики. В этом фрагменте текста внимание будет посвящено этой оппозиции.

Часть 1. Непрерывность

Понятие непрерывности является негативным по отношению к понятию дискретности как прерывности. Это понятие сформировалось в античной философии, и, например, с точки зрения Аристотеля, непрерывность требует совпадения границ соприкасающихся и отсутствия неделимых элементов. Батай часто использует понятие непрерывности в своих послевоенных текстах, перерабатывая идею Бергсона о непрерывности внутренних процессов.

Разводя опыты непрерывности и дискретности, Батай «помещает их оппозицию уже не в психологическую, а в экзистенциальную перспективу»¹. Рассматривая «Теорию религии» мы подготовили условия для следующего заключения: непрерывность для находящегося в мире зверя является единственно возможным способом существования, и зверь принимает непрерывность безотказно. Непрерывность, таким образом, Батай рассматривает как отношение между живым организмом и окружающим его миром.

В то же самое время в «Эротике» батаевское рассуждение онтологично, поскольку мыслитель говорит о бытии безотносительно к способу существования. Во введении к этому тексту Батай утверждает, что в воспроизводство втянуты дискретные существа. Эротика отличается от сексуальной деятельности, но последняя, безусловно, свойственна не только человеку, но и другим живым организмам. И эти организмы – например, звери – являются дискретными существами, хотя, как уже было замечено,

¹ *Зенкин С.* Сакральная социология Жоржа Батая. С. 16

способ существования зверя соотносится с непрерывностью. Это напоминает рассуждение о сакральном, в ходе которого мы пришли к заключению, что зверь живёт в сакральном мире, об этом не зная. Конечно, зверь имеет и пространственную и временную границу, но он пребывает в мире, как «вода в воде», тогда как человек, сталкиваясь со своим природным началом, реагирует на него как на пугающее иное. При этом столкновении человеческий взгляд отражается и высвечивает дискретность. Этот опыт является травмирующим.

Непрерывность в батаевских выкладках не приобретает негативной коннотации. Состояние растворенности в мире Батай называет имманентностью, то есть неким пребыванием внутри, не выходящим за пределы, не трансцендирующим. В снятом виде имманентность присутствует и в бытии человека, но принципиальный возврат к ней невозможен, хотя и необходима вылазка.

Часть 2. Дискретность

Дискретность – это остановка потока непрерывности. Она обозначает дробность, прерывность, отделенность – временную длительность и пространственное различие. Человек, покидая природное состояние и утрачивая отношение непрерывности, узнает свою дискретность. Длительность является знаком дискретного существования, и, следовательно, зверю не знакома временная длительность. Знакомство с длительностью открывает перспективу будущего времени и цели, и настоящее подчиняется будущему. Появление профанного мира или мира вещей основано на определенном понимании длительности. В «Теории религии» Батай пишет, что «вещь может полагаться как нечто отдельное и обладать смыслом лишь при условии, что полагается некоторое будущее время, ради которого она и образуется как объект»¹. Профанные орудия труда также являются дискретными объектами, подчиненными цели, которая покоится в будущем,

¹ Батай Ж. Теория религии. С. 69-70

и, полагает Батай, именно назначение, закрепляющееся за орудием, побуждает человеческое сознание считать его объектом, который представляет собой разрыв непрерывности.

Любая форма совместной деятельности вовлекает в себя людей как дискретных существ, между которыми, утверждает Батай, простирается пропасть. Да, они общаются и взаимодействуют, но различие между ними неуничтожимо. Дискретный способ существования обнажает и усиливает это различие, и в мире появляется множество личностей. В «Границах полезного» Батай утверждает, что отдельная личность не обладает ценностью вне тех процессов, которые значимы для множества людей.

Во введении к «Эротике» Батай предлагает для рассмотрения мысль, которая на первый взгляд может показаться странной. Он полагает, что для дискретного существа непрерывность и смерть тождественны. Для этого Батай сопоставляет половое и бесполое размножение. При бесполом размножении происходит деление клетки, когда предшествующий организм исчезает или перестает существовать как дискретное существо, и вместо него начинают существовать уже два новых организма, также обладающих дискретностью. И взгляд Батая притягивает именно момент перехода: событие, когда один становится двумя. Это событие и есть непрерывность, со-бытие двух организмов. В интенсивном мгновении непрерывности жизнь и смерть существуют нераздельно и неслиянно: смерть является знаком жизни. В смерти одного дискретного организма «проявляется момент непрерывности двух»¹.

Всё несколько усложняется при интерпретации полового размножения. В отличие от деления клеток, где смерть и размножение взаимообусловлены и появляется непрерывность, половое размножение в таком виде непрерывность не предполагает, поскольку у организмов, которые обладают полом, размножение, как правило, с агонией не связано. Непрерывность, пишет Батай, может появляться при соединении дискретных

¹ Батай Ж. Эротика. С. 496

мужских и женских гамет, в результате которого создаётся новый дискретный организм, который содержит в себе переход от дискретности к непрерывности. При бесполом размножении непрерывность скрадывается ввиду исчезновения первоначального организма, тогда как при половом размножении появляется отсрочка: возникновение нового существа предполагает смерть родителя. Что организм, появляющийся в ходе деления клеток, что зародыш, конечно, не обладают сознанием, но Батай против того, чтобы смотреть на них исключительно извне, поскольку существование «внутри себя» не может возникнуть в качестве следствия возрастающей сложности. Следовательно, даже простейшие организмы могут иметь опыт непрерывности, они могут иметь внутренний опыт.

Эротика, понятая как половая чувственность, представляет собой опыт непрерывности, преодолевающий дискретность существ. С. Зенкин считает, что мысль Батая, согласно которой эротическая практика – это прорыв границы дискретности («любовное слияние»), не имела бы концептуальной новизны, если бы Батай от идеи непрерывного бытия не перешел бы к проблеме смерти. «В конечном счете дискретная жизнь побеждает»¹, но без тревожного эротического опыта она не полна, поэтому она всё-таки допускает опыт непрерывности, соответственно, ограничивая его, вводя в рамки, как, например, практику жертвоприношения.

Часть 3. Поиск утраченной непрерывности

«Поиск утраченной непрерывности» может показаться странной формулировкой, поскольку в первой части текста мы говорили о «поиске утраченной сокровенности». Непрерывность как отношение существа и мира свободно занимает в батаевских трудах место сокровенности, поскольку «сакральное и есть непрерывность бытия».² Это значит, что непрерывность оппозиционна дискретности профанных орудий, она также является

¹ Зенкин С. Сакральная социология Жоржа Батая. С. 26

² Батай Ж. Эротика. С. 503

расточительным кипением жизни, яростью, которую человек ограничивает запретом.

Батай полагает, что переходы от дискретности к непрерывности, происходящие в разных направлениях, находятся «в основе нашей жизни»¹. Дискретное существо, с одной стороны, стремится к длительности собственной индивидуальности, к реализации перспективы будущего, но с другой стороны, испытывает томление в отсутствие тревожного опыта непрерывности, всегда близкого к смерти, либо подразумевающего его. Батай выделяет три формы эротики: сакральную, телесную и сердечную. Правда, сакральной форме он уделяет почти всё свое внимание в философских трудах, отводя другим формам место в литературном творчестве. Батай, впрочем, может сказать во введении к «Эротике», что телесная форма эротики наиболее приземленная, поскольку ей не удается отойти от дискретности, что сердечная эротика продолжает телесную в форме моральной симпатии – и, в целом, всё. Взаимоотношения тел и сердец могут проходить без соучастия религиозного чувства, направленного на поиск непрерывного-сакрального, фундаментальный поиск, без которого невозможно подлинное осмысление эротики, поэтому не представляют для нас особенного интереса.

Нам важно другое. Смысл эротического опыта заключается в том, чтобы произвести замещение чувства дискретности чувством непрерывности, то есть связать обособленное существо с сокровенным бытием, вернуть ему утраченную непрерывность. Но не только. Эротика как очеловеченная ярость, требует и нарушения границы сформированного дискретного существа, которое невозможно без ярости насилия, открывающего нас непрерывности. Получая эротический опыт, человек ненадолго утрачивает свою замкнутость, которой противостоит, например, нагота, в неподходящих условиях приобретающая коннотацию непристойности, вызывающей

¹ Там же. С. 497

смятение. В пределе этого опыта человек утрачивает себя, происходит растворение его формы дискретного существа.

Наиболее яркая форма насилия, с точки зрения Батая, заключена в смерти, а смерть, как мы помним, для обособленного существа тождественна непрерывности. Конечно, трудно себе представить, что любая эротическая практика должна приводить к смерти, в которой, наконец, непрерывность может быть схвачена. Трудно представить, если вы не герой какого-нибудь романа маркиза де Сада, изучению жизни и творчества которого Батай посвятил немало времени и пришел к заключению, что «маркиз де Сад в своих романах характеризует убийство как высшую точку эротического возбуждения»¹. Но как связать смерть и эротику, не занимая позиции Сада? Тревожный эротический опыт ставит человека как обособленное существо под вопрос, точнее – подвешивает его дискретный способ существования. В этом состоянии подвешенности смерть не наступает, но человек приближается к границе жизни и смерти. К границе, на которой жизнь под знаком смерти проявляется в своей полноте, в наибольшей интенсивности. И только так мы можем прийти к пониманию первого предложения, с которого начинается «Эротика». Оно гласит, что «эротика – это утверждение жизни в самой смерти»². Даже можно сказать, что это самоутверждение, поскольку жизнь здесь, влекомая непрерывностью, не боится смотреть смерти в лицо, ибо знает, что в непрерывности бытия нет различия между жизнью и смертью.

Поиск утраченной непрерывности не может быть удовлетворительным в рамках эротического опыта, потому что он может быть достигнутым только со смертью дискретного существа. Поскольку он не может быть удовлетворен, постольку он не может быть завершен до наступления смерти. Но ввиду того, что стремление к непрерывности не угасает, эротический опыт будет вновь и вновь проявляться в человеческой

¹ Там же. С. 500

² Там же. С. 494

жизни. Человек как дискретное существо замкнут в индивидуальной обособленности. Эротический опыт представляет собой следствие кризиса обособленности, и эротика, указывая на ограниченность дискретного существования, возбуждает страсть к непрерывности.

Глава III. Игра запрета и трансгрессии

Это последняя глава, в которой мы будем рассматривать концепт эротики. В следующих фрагментах текста мы постараемся понять, как этот уже готовый концепт сосуществует с другими батаевскими концептами непродуцирующей траты и суверенности. Понятия трансгрессии и запрета уже открыто использовались нами в рассуждении, поскольку без них было не обойтись, однако смысл их предлагался подспудно, контрабандно. В этой главе мы попробуем развернуть значения этих понятий, уточняя концепт эротики.

Часть 1. Запрет

Вновь обратимся к «Этимологическому словарю русского языка» Семёнова, который относит глагол «запретить» к исконным и находит его первоисточник в старославянском слове *pretъ*, которое имеет два значения: угроза и препятствие. Интересно то, как могут соотноситься два этих слова. Действительно, исходящую извне угрозу мы можем расценивать как препятствие, которое потенциально создаст нам трудности. Но в тоже время связать эти два значения можно иначе. Исходящая извне угроза пугает нас, и мы намеренно создаём препятствие для нее, чтобы иметь возможность себя обезопасить. То есть препятствие считывается и как препятствие *для нас*, и как *наше* препятствие. В батаевских выкладках запрет есть жест отрицания по отношению к тому, что претит. Претит профанному миру труда, для которого то, что претит, является препятствием. Таким образом, понятие запрета, которое мы будем использовать, содержит в себе два указанных нами значения.

Первособытие, от которого отсчитывается происхождение человека – это акт насилия человека над собой. Он отвергает не поддающуюся контролю ярость насилия, свое природное начало, но этот отказ также невозможен без насильственного действия, вычеркивающего ярость из человеческого быта. Посредством запрета человек отказывает себе в возможности быть зверем и

ограничивает свои природные потребности. Собственно человеческое начало внутри дискретного существа становится господином, который суверенным жестом вытесняет ярость, а природное начало – ярость насилия – уходит в тень, становясь проклятой частью. Находясь в этой тени, ярость наблюдает и крепнет. Она замечает, что труд, ради которого и создается запрет, стремится человека превратить в вещь, а значит – сделать рабским существом. Господин превращается в раба на глазах у вытесненной ярости, которая, наконец, прорывает границу запрета, выходя из темницы, в которой она была заключена.

Запрет выполняет предохранительную функцию. Профанному миру вещей требуется порядок, поэтому все, приводящее к беспорядку, должно быть предугадано, опознано и запрещено. Запрет – это полиция. Это то, что защищает полис от варварского, – чужого, непонятного, нечленораздельного, пылкого – это то, что не подпускает ярость к труду. И запрет не должен подлежать оцениванию – неважно, дурно это или благопристойно. Важно то, что «люди перестали ощущать себя животными благодаря тому, что начали соблюдать запреты, а не благодаря разумному мышлению»¹, – пишет Батай в «Суверенности». В конечном счёте, зверь стал человеком благодаря запретам. Запрет как выражение нацеленности на упорядоченность создает условие возможности ясного сознания, без которого немислима наука. Поскольку наука происходит от запрета, её средств недостаточно для понимания самого запрета, который является для нас внутренним законом, который мы сами себе даём; запрет не навязывается извне. Но слепое подчинение запрету не позволяет его познать – его познание возможно в тревожный миг преодоления запрета, выхода за его пределы, когда у нас появляется шанс взглянуть на него со стороны.

Запрет вытесняет ярость из профанного мира труда. Обращаясь к эмпирическим данным, Батай утверждает, что ограничения ярости распространялись на отношения живых с мертвыми и на сексуальную

¹ Батай. Ж. Суверенность. С. 417

деятельность. Смерть и рождение дискретных существ имеют связь: эксцесс смерти и эксцесс рождения, с точки зрения Батая, осмысляются друг через друга. Обычай погребения, ограничивающий связь живых с мертвыми, – это следствие сознания смерти. Труп, в который превращается живой человек, является знаком всепоглощающего насилия, и очевидная реакция дискретного существа, стремящегося к собственной длительности – отстранение, вызванное неприятием, и попытка сберечь труп от других возможных насилий. Беспорядок, вносимый смертью в стройный мир разумного труда, проделывающего полезную работу, обесмысливает усилия разума, потому что ожидание длительности «разрешается в ничто»¹.

Батай полагает, что запрет, связанный с размножением, также как и запрет, связанный со смертью, обладает универсальным характером. Ничем не ограниченная сексуальность учащает сердцебиение мира труда, поэтому на нее налагается запрет, и она подчиняется определенным правилам, которые разнятся от общности к общности. Всеобщий запрет проявляет себя в единичных и случайных формах. Например, запрет инцеста соблюдается всем человечеством, но соблюдается по-разному, имея изначальную причину справедливого распределения-дарения женщин среди мужчин. В частности, запрет инцеста в рамках сочинений Батая занимает особенное положение, поскольку его трансгрессия, в отличие от других запретов, не является общим местом.

Смерть и размножение – это наиболее интенсивные моменты расточительного движения непрерывности, нарушающей упорядоченное существование дискретных существ, и потому они оказываются под запретом. Они образуют область сакрального, в пределах которой находится ярость, угрожающая порядку вещей. Но запрет коварен, потому что он создает привлекательность того предмета, который он запрещает. Эта привлекательность – эротическая ценность. Назначение запрета сводится к тому, чтобы отдалиться от ярости, но он наделяет ярость

¹ Батай Ж. Эротика. С. 528

привлекательностью и открывает возможность, которая недоступна зверю – возможность трансгрессии.

Часть 2. Трансгрессия

Трансгрессия буквально обозначает переход через границу, пересечение предела, отождествляемого с запретом. Трансгрессия – это нарушение, неразрывно связанное с опытом греха, но это нарушение предусмотрено самим запретом. Правила существуют не для того, чтобы их нарушали, а для того, чтобы их блюли, но они противопоставляют скудность – разнообразию, предзаданность – неопределенности, расчёт – страсти к запретному. Ярость сама по себе – это взрывная сила, бесконтрольно растрачивающая всё, что можно растратить, а из-за скованности границами она становится ещё и предметом отчаянного стремления. Порядок вещей находит способ сохранить целое, пожертвовав частью, которая становится проклятой. Трансгрессия – это сакральный акт. Это не слепое, а намеренное нарушение границы, позволяющее сделать уступку ярости, но при этом сохранить существующий порядок вещей.

Разумеется, трансгрессия не является для того, кто её осуществляет, возвратом к животному состоянию. Она представляет собой преодоление запрета при его же поддержании: она оставляет запрет при себе и оставляет его, двигаясь дальше. Но трансгрессия – это только преодоление границ. Побуждает нас к тревожному опыту трансгрессии находящаяся в нас эротика, которая есть движение бытия в нас самих – так нам предлагает её понимать Батай. Но парадоксально трансгрессия не стремится уничтожить запрет, потому что его исчезновение перестанет делать предмет запрета желанным. Она не только не стремится его уничтожить, но и поддерживает его, чтобы получать удовольствие. Если бы отказ от соблюдения правил был доведен до крайности, то он бы вернул человека к животному состоянию, либо привел его к смерти, как завершённый поиск утраченной непрерывности. Поэтому человек занимает пограничное положение: он

нарушает границу, но сохраняет её и возвращается к порядку вещей; его привлекает утраченная сокровенность, и он к ней стремится, но не делает решительного и последовательного шага, ибо так он потеряет свой человеческий облик. Благодаря усилиям трудящегося и ограничивающего себя человека был создан рациональный мир, но он, считает Батай, всегда содержит в себе место для ярости. Ярость, опосредованная разумом, становится эротикой. Эротика подталкивает человека к нарушению границ рационального мира, и это нарушение – трансгрессия. В момент трансгрессии между яростью и разумом нет оппозиции, потому что ярость становится разумной.

Батай пишет, что «незыблемый запрет иногда нарушается, но это не значит, что он перестает быть незыблемым»¹. Сами запреты могут быть непоследовательными, противоречивыми, иррациональными, потому что они взаимодействуют со своим предметом – яростью. Теоретическое осмысление запрета может быть, конечно, безукоризненным, но изучение эмпирических запретов эту безукоризненность расшатывает. Потому и трансгрессия такого запрета сама может нас удивить: она, нарушающая правила, сама может быть подчинена правилам. Примером может послужить запрет на убийство, который можно нарушать на войне, при поединке, кровной мести и иногда при жертвоприношении, как это было, например, у ацтеков в отношении некоторых военнопленных. Но трансгрессия, осуществляемая не по правилам, является преступлением: убийство недопустимо в случае злодейского покушения. Ярость насилия в животном мире не может быть или не быть жестокой. Она становится жестокой при организованном насилии. Порядок вещей, стремящийся к самосохранению, допускает и даже делает необходимой трансгрессию в определенном месте, в определенное время и при определенных условиях. Таким образом, она не разрушает профанный мир труда, а дополняет его тем, что силится вытеснить профанный мир. Человек балансирует между влечением и отторжением, страстью и ужасом,

¹ Там же. С. 533

жизнью и смертью. Отказ от ярости является свидетельством согласия с нею. Эротика подвергает трансгрессии человеческое начало и дополняет «скупой, замкнутый порядок реальности»¹.

Часть 3. Трансгрессия и христианство

Следуя логике Батая, мы без труда можем заключить, что эротика тесно соотносится с религией. Особенное место, следовательно, будет занимать христианская религия, которая противопоставила себя эротике. С точки зрения Батая, христианство как религия парадоксально является «наименее религиозной»².

Религии первобытных общностей «вывели из запретов дух трансгрессии. Христианская же религиозность в целом противопоставила себя духу трансгрессии»³. Христианство, согласно Батаю, не понимает святость трансгрессии, и потому ее не приемлет, однако оно бы потеряло всю свою религиозность, если бы последовательно отказалось от возможности трансгрессии, которая является условием возможности гармоничного существования общества. Религиозный дух с необходимостью должен сохранить суть религиозного опыта, находя ее в непрерывности, к переживанию которой мы приближаемся в опыте сакрального. В развитии христианства, считает Батай, сталкивались противоположно направленные тенденции. Первая из них – желание достичь неограниченной любви. Найденная в Боге утраченная непрерывность направляет человеческую душу к заветной любви, которая отличается от упорядоченного и яростного безумства ритуалов, характерных для древних религий. Другая тенденция – встраивание сакрального мира непрерывности в существующий порядок вещей. Последняя тенденция не является уникальной для христианства, поскольку желание ограничить возможное действие ярости – то есть

¹ Там же. С. 565

² Там же. С. 509

³ Там же. С. 575

профанация сакрального – является общим местом для человеческих сообществ.

Если посмертное воздаяние по заслугам – это то, что можно заслужить земными деяниями, то божественный мир, между которым устанавливает причинно-следственная связь с профанным миром, сам становится подчиненным порядку вещей и зависящим от него. Представление о земных деяниях, которые якобы должны помочь человеку обрести спасение в потустороннем мире, должны рассматриваться как профанация. Да и само понимание спасения как цели противоречит благодати и ограничивает произвол высшего существа. Далее, само спасение души – это спасение души дискретного существа. То есть идея спасения содержит в себе желание бессмертности дискретной формы. Творец и небожители также обречены на бессмертие своей дискретности. Смерть, внушающая страх, характерна только для несuverенного способа существования, нацеленного на будущее. То есть христианство совершило парадоксальное действие, потому что оно ввело непрерывность в дискретность. Тем самым оно потеряло непрерывность, путь к которой извечно указывала трансгрессия. Батай считает, что христианство завершило уже существовавшую тенденцию. Действительно, само жертвоприношение в качестве практики, которая позволяет встроить ярость в порядок вещей, стремится к тому, чтобы сохранить дискретный способ существования как целое, жертвуя при этом частью.

Не менее значимо то, что христианство пренебрегло амбивалентностью сакрального, включающего в себя как благое, так и проклятое. Все проклятое было отождествлено с профанным миром и отброшено. Доступ к проклятой части сакрального открывает только нарушение запрета, но ввиду того, что христианство не приемлет трансгрессию, оно потеряло проклятую часть сакрального. Батай пишет, что дьявол был изгнан из божественного мира, и «в христианском миропорядке трансгрессия оказывалась основой уже не его божественности, а его

падения»¹. Батай предполагает, что почитание дьявола никогда не прекращалось в качестве пережитка почитания нечистых богов. Оно позволяло извлекать из греха чувство сакрального.

Существующее зло профанного мира соединилось с проклятым сакральным, а благость порядка вещей сомкнулась с благим сакральным – и, таким образом, границы профанного и сакрального потеряли чёткость. Падение в профанный мир эротика, которая всегда имеет характер трансгрессии и подразумевает стремление к непрерывности, было взаимосвязано с низвержением проклятого сакрального. Эротика стала уподобляться злу из-за того, что её истина – в сущности, несокрытая – оказалась непонятой. Эротика потеряла свое сакральное значение и подверглась профанации. Мишель Фуко обращается в своей работе «О трансгрессии» к сочинениям Батая и пишет, что «никогда сексуальность не достигала столь непосредственного природного смысла и не знала такого счастья выражения, как в христианском мире падших тел и греховности»². Трансгрессия стала тождественной греху. Запрет создает привлекательность того предмета, который он запрещает. В христианстве запрет стал абсолютным, и можно предположить, насколько сильным было чувство привлекательности запрещенного, находившее себе удовлетворение под покровом ночи в безлюдных местах. В конечном счете, полагает Батай, христианство утратило «религиозную способность создавать присутствие сакрального»³, которое достигается посредством трансгрессии границ профанного мира. Эта утрата сказалась и на эротике, сакральный смысл которой был предан забвению.

Препятствующая ограниченности человеческого существования эротика была подвергнута профанации. Эротика всегда имеет сакральный смысл возвращения к утраченной сокровенности, которое осуществляется в форме трансгрессии, и, следовательно, отрицание сакрального характера

¹ Там же. С. 578

² Фуко М. О трансгрессии / пер. с фр. С.Л. Фокина // Танатография эроса. – СПб., 1994. С. 113

³ Батай Ж. Эротика. С. 584

эротика лишает человека возможности выходить из профанного мира, из подчиненного состояния.

Глава IV. Непроизводительная трата и суверенность

В предыдущих фрагментах текста был рассмотрен концепт эротики, как если бы он существовал изолированно. В текстах Батая этот концепт сопряжен с концептами суверенности и непроизводительной траты. Все эти концепты вступают во взаимные отношения, и эта связь их обогащает.

Часть 1. Стремление и обладание

Соединение взаимообусловленных понятий стремления и обладания выводит нас на противоположные смыслы. Для удобства введем три словосочетания: «стремится обладать», «стремиться не обладать» и «стремиться тратить», – и последовательно их рассмотрим.

Первая связка «стремиться обладать» отчетливо характеризует порядок профанного мира вещей. Стремление к обладанию предполагает рост, накопление и пользу. Оно, конечно, предполагает трату сил и средств, но целью этой траты всегда является еще большее приобретение. Мораль профанного мира предосудительно относится к непроизводительным и бесполезным тратам. Наибольшую полноту профанный мир обрел благодаря установлению капиталистических отношений, когда излишек произведенного стал направляться на дальнейший рост производственных возможностей, тогда как в архаическом обществе и в предшествующей капиталистической средневековой экономике, согласно Батаю, «производство было подчинено непроизводительным разрушениям»¹ и бесполезным тратам.

С точки зрения пользы, пишет Батай в «Проклятой части», египетские пирамиды являются памятниками ошибке. Праздное поведение, связанное с истреблением ресурсов, а не накоплением, также является напрасным. Но, замечает Батай, праздность или пирамида «просто угодны нам, они суть результат нашего выбора, не вызванного необходимостью»². Следовательно,

¹ Батай Ж. Теория религии. С. 91

² Батай Ж. Проклятая часть. Опыт общей экономики. С. 181

способность тратить взаимосвязана с нашей свободой, тогда как разумная деятельность, нацеленная на рост, ввергает нас в царство необходимости и делает подчиненными. Если экономика является религиозно детерминированной, то избыточные богатства уничтожаются, точнее – уничтожается их полезная ценность. Взаимодействуя с учением Макса Вебера, Батай заключает, что протестантизм стал отрицанием идеи интенсивного истребления ресурсов, и поэтому произошла окончательная десакрализация человеческой жизни. «Буржуазным миром движет страх перед мотовством... целью сделалось бесславное процветание дела, польза стала основой моральных ценностей»¹. Предпосылкой такого способа существования стал аскетизм.

Вторая выделенная нами связка «стремиться не обладать» является остановкой накопительной полезной деятельности. Наше стремление к обладанию подразумевает, что мы чем-то не обладаем, но стремление не обладать представляет собой принципиальный отказ от самой возможности обладания. Это практика самоограничения является разновидностью запрета.

Условием возможности траты является обладание, поэтому аскетический способ существования не тождественен суверенному. Аскет регулирует свое поведение запретом, но отказывается от возможности трансгрессии. Следовательно, он осуществляет отказ от суверенности. Аскет отказывается довольствоваться вещами профанного мира, и тем самым он не способствует дальнейшему росту этого мира. Однако он утрачивает возможность выводить вещи из профанного состояния, то есть жертвовать, поскольку жертвовать может только тот, кто обладает. Суверенный способ поведения характеризует третья выделенная нами связка «стремится тратить».

В «Проклятой части» Батай пишет, что «фундаментальные проблемы ставит перед живой материей и человеком не необходимость, а её

¹ Батай Ж. Границы полезного. Отрывки из неоконченного варианта «Проклятой части». С. 257

противоположность, «роскошь»¹. Батай вводит понятие энергии и утверждает, что энергия всегда существует в избытке. Следовательно, излишек может быть использован для роста. Но когда рост становится невозможным, когда излишек не поглощается, его необходимо растратить. Вольная растрата, то есть принесение в жертву части ради сохранения целого, являет предпочтительной. В противном случае растрата происходит помимо воли посредством катастрофы. Например, война представляет собой катастрофическую трату энергии.

В «Эротике» Батай уточняет, что «жизнь... это бурный процесс, всегда ведущий к взрыву»², то есть к взрыву ярости. Жизнь представляет собой непрерывный процесс расточительства, и человек благодаря запрету пытается этот процесс ограничить, однако возможность преодоления границы всегда существует, и эту возможность актуализирует непроизводительная трата, которая проявляется в различных формах: в даре, в жертвоприношении, в праздности.

Эротика как движение бытия в нас самих «противостоит обычному поведению как трата – приобретению»³. Сам акт растраты не был бы возможен, если бы в человеке не имелось обуславливающего его движения очеловеченной ярости, эротического движения. Эротика трансгрессивным жестом опрокидывает установки профанного мира, и это опрокидывание – трата.

Часть 2. Суверенность и смерть

В «Проклятой части» Батай пишет, что суверенное положение человека возможно благодаря процессу расточения, рассмотренному в предыдущем фрагменте текста. Непроизводительная трата является подлинной только тогда, когда подспудно ей не сопутствует корысть, когда трата не приводит к приобретению. Соответственно, подлинно суверенное

¹ Батай Ж. Проклятая часть. Опыт общей экономики. С. 111

² Батай Ж. Эротика. С. 530

³ Там же. С. 618

истребление богатств должно было бы совершаться в одиночестве, но тогда не было бы сообщения, воздействия на другого. «Действие, оказываемое на другого, обладает именно властью дара, которая приобретается в результате утраты»¹. Смысл потлача состоит в том, что совершённый дар приносит славу и власть, возможность суверенного способа существования, который отвергает сплетенные скупость и необходимость и ещё больше подталкивает к произвольному расточительству.

Суверенность, разумеется, противоположна подчинению, рабскому служению пользе. В процессе труда суверенного состояния достичь невозможно, поскольку оно является оппозиционным трудовой деятельности. Суверенное состояние достигается тогда, когда человек преодолевает границы профанного мира, когда он выходит из порядка вещей и не допускает своего подчинения этому порядку, поэтому для достижения этого состояния необходима трансгрессия. В тоже время суверенность не является принадлежностью лишь заранее predetermined числа людей. Батай замечает, что каждый человек может обладать суверенностью. Однако актуализация этой потенции не может быть абсолютной, потому что в этом случае она бы перечеркнула все достижения человечества и вернула бы его в природное состояние. Следовательно, выход к суверенному состоянию представляет собой разовую вылазку. Принципиальным условием возможности такой вылазки является пренебрежение полезностью и будущим временем. Суверенный акт предполагает растворение в настоящем моменте, беззаботность к последствиям и мгновенное удовлетворение. Суверенность невозможна без сохраняющейся в человеке ярости, которая нарушает любой порядок и стремится к тратам. Поведение человека, на мгновение обретшего суверенность, противостоит нормальному течению жизни как чрезмерность – умеренности, произвол – подчинению, беззаботность – благоразумию.

¹ Батай Ж. Проклятая часть. Опыт общей экономики. С. 150

С точки зрения разумного поведения суверенность близорука, и потому вредоносна. И она действительно близорука, поскольку она отрицает разумное поведение. Суверенное действие является таковым, поскольку оно предполагает властное нарушение границы. Проблемным является авторство суверенного действия, поскольку непонятно, является ли оно лишь всплеском затаённой в человеке ярости или оно представляет собой самостоятельный и осмысленный отказ. Запрет невольно создаёт предпосылку нарушения, однако избыточные нарушения вывели бы общество из равновесия. Суверенность должна быть фрагментарной и иррегулярной. Сила запрета сталкивается с желанием его нарушить, но остается ли место самостоятельному человеческому решению в этом противоборстве? Однозначно ответить на этот вопрос сложно, и мы пока оставим его открытым.

Из-за того, что суверенность безразлична ко всему, кроме мгновения, она ни во что не ставит смерть. Смерть представляет собой абсолютную трату. Страх смерти, следовательно, должен быть ещё сильнее благоразумного страха непроизводительной траты, источником которого является скупость. Источником страха смерти является проецирование себя в будущее, поэтому суверен, растворяющий себя в мгновении, не боится смерти.

Пожалуй, идеальной фигурой суверена может послужить платоновский Эрот. Когда Диотима в диалоге «Пир» говорит об Эроте, она указывает, что он ни смертен, ни бессмертен, что он находится между мудростью и невежеством. «Всё, что он ни приобретает, идёт прахом»¹. Эрот, как и другие гении, является посредником между людьми и богами, внутренней связью этого мира. Связать платоновского Эрота с батаевским учением об эротике несложно. Во-первых, мы можем усмотреть растрату в том, что всё приобретенное Эротом превращается в прах. Во-вторых, Эрот не может не жить в мгновении, потому что он, по словам Диотимы, в один день

¹ Платон. Пир // Платон. Сочинения в 4 т. Т. 2. – СПб., 2007. С. 136

живёт и умирает. В-третьих, Эрот является посредником между людьми и богами, и, следовательно, между профанным и сакральным – Эрота мы, таким образом, можем сблизить с эротическим желанием как поиском утраченной сокровенности.

Заключение

Концепт эротики занимает особенное место в послевоенном философском творчестве Батая. Этот концепт образуется на пересечении различных проблем, интересовавших Батая – проблем жизни и смерти, свободы и необходимости, разума и эксцесса. С помощью сопутствующих понятий концепт эротики упорядочивает отношения, возникающие в точке этого пересечения. Эротика, как её понимает Батай, отражает человеческое стремление выйти из состояния необходимости и подчиненности, которое можно наблюдать в тех жизненных условиях, которые человек сам для себя создаёт. В качестве движения бытия в нас самих эротика позволяет человеку обрести единство с оставленным миром.

Концепт эротики связывает понятия ярости и труда, профанного и сакрального, дискретности и непрерывности, запрета и трансгрессии. Изначальное яростное кипение жизни, пугающее своей расточительностью, останавливается человеческим существом посредством запрета, который способствует становлению трудовой деятельности. Труд стремится к тому, чтобы редуцировать человека до состояния вещи, однако замкнутость, обособленность и ограниченность человека в профанном мире вещей становятся условиями кризиса. Кризис обособленности разрешается яростным порывом, нарушающим пределы в акте трансгрессии, который подрывает реальность, выталкивая человека в сакральный мир непрерывности. Эротика – это яростный порыв существа, обладающего сознанием. Эротика – это поиск утраченной сокровенности. Эротика – это опыт непрерывности, позволяющий преодолеть дискретность человеческого существа. Эротика – это трансгрессивное нарушение запрета.

Исследуя послевоенные труды Батая, в которых мыслитель развёрнуто концептуализировал то, что его интересовало на протяжении всего творческого пути, мы можем познакомиться с незаурядным антропологическим проектом. Учение Батая о человеке может быть охарактеризовано как романтическое: оно представляет собой реакцию на

рационализм, который стремится к тотальности разума, оно обладает чертой консервативности, потому что ищет исток и обращается к прошлому, противопоставляя его – не без сожаления – современности, и оно направлено на то, чтобы показать, как человек может возвыситься над скупым порядком реальности.

Список литературы

1. *Батай Ж.* Эротика // *Батай Ж.* Проклятая часть: Сакральная социология: Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. – М., 2006.
2. *Батай Ж.* Теория религии // *Батай Ж.* Проклятая часть: Сакральная социология: Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. – М., 2006.
3. *Батай Ж.* Проклятая часть. Опыт общей экономики // *Батай Ж.* Проклятая часть: Сакральная социология: Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. – М., 2006.
4. *Батай Ж.* Границы полезного. Отрывки из неоконченного варианта «Проклятой части» // *Батай Ж.* Проклятая часть: Сакральная социология: Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. – М., 2006.
5. *Батай Ж.* Суверенность // *Батай Ж.* Проклятая часть: Сакральная социология: Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. – М., 2006.
6. *Батай Ж.* Из «Слёз эроса» / пер. с фр. С.Л. Фокина // Танатография эроса. – СПб., 1994. – С. 269–308.
7. *Батай Ж.* Внутренний опыт / пер. с франц., послесловие и комментарии С.Л. Фокина. – СПб., 1997.
8. *Батай Ж.* Из «Внутреннего опыта» / пер. с фр. С.Л. Фокина // Танатография эроса. – СПб., 1994. – С. 223–243.
9. *Батай Ж.* Гегель, смерть и жертвоприношение / пер. с фр. С.Л. Фокина // Танатография эроса. – СПб., 1994. – С. 245–267.
10. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. – М., 2009.
11. *Зенкин С.* Сакральная социология Жоржа Батая // Проклятая часть: Сакральная социология: Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. – М., 2006. – С. 7–48.
12. *Мосс М.* Очерк о даре // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. – М., 1996.
13. *Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к Рихарду Вагнеру // *Ницше Ф.* Сочинения в 2 т. Т. 1. – М., 1990.

14. Ницше Ф. Черновики и наброски 1880–1882 гг. // Ницше Ф. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 9. – М., 2013.
15. Платон. Пир // Платон. Сочинения в 4 т. Т. 2. – СПб., 2007.
16. Сартр Ж.-П. Один новый мистик / пер. с фр. С.Л. Фокина // Танатография эроса. – СПб., 1994. – С. 11–44.
17. Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / пер. и ред. С.Л. Фокина. – СПб., 1994.
18. Фокин С.Л. Философ-вне-себя. Жорж Батай. – СПб., 2002.
19. Фуко М. О трансгрессии / пер. с фр. С.Л. Фокина // Танатография эроса. – СПб., 1994. – С. 111–133.
20. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. – М., 2008.